

Хуа Си Ван чувствовала смутное подозрение, но все же переделалась в свое одеяние ранга Цзюнь ванфэй, а затем надела тяжелую золотую корону, чтобы отправиться в главный зал поместья. Вскоре после прибытия она заметила, что Янь Цзинь Цю вернулся одетый в мантию цзюньвана. Главные распорядители двора уже ждали его в коридоре.

Когда Янь Цзинь Цю вошел в зал, он увидел спокойное выражение лица Хуа Си Ван и понял, что она не была шокирована этой неожиданной новостью. Он улыбнулся и встал рядом с ней. «Мы должны сегодня поест пораньше», - сказал он легким голосом. Этим он намекнул Хуа Си Ван, что позже они поговорят наедине.

В зале находились евнухи и женщины-чиновники высокого ранга. Хуа Си Ван легко коснулась рукой ладони Янь Цзинь Цю и улыбнулась.

- Хорошо.

Она знала, что император делает это совсем не с добрыми намерениями, но по выражению лица Янь Цзинь Цю она видела, что он рад этому. Поэтому она перестала раздумывать об этом и просто ждала, когда придут люди из министерства ритуалов, чтобы провозгласить императорский указ.

Вскоре пришли чиновники министерства ритуалов с большой группой людей и продекларировали два длинных указа. Суть этих заявлений состояла в том, что Янь Цзинь Цю получал должность циньвана, а Хуа Си Ван, соответственно, должность Цинь ванфэй. Помимо свидетельства чиновники принесли золотые печати и книги. Специальные облачения еще не были закончены, их должны были доставить позже. Также стоял вопрос о поместье, которое необходимо было расширить. Так как первоначально это было поместье циньвана, то запертые дворы просто откроют, и тогда люди из министерства работ смогут прийти и сделать ремонт. Предметы, которые могут представлять личность циньвана, были дарованы в большом количестве, чтобы показать необъятность императорской милости.

Спустя долгое время Янь Цзинь Цю и Хуа Си Ван, наконец, закончили слушать список того, что было даровано. Муж и жена отослали чиновников министерства обрядов, а потом смотрели, как вещи выносили во двор в сундуках. В процессе этого было приготовлено еще по две чаши чая на каждого.

Всякий раз, когда называли какой-нибудь предмет, слуги открывали шкатулку, чтобы оба хозяина могли его рассмотреть. В конце концов, Хуа Си Ван не смогла удержаться и отвела взгляд. Не то чтобы она не любила деньги, но теперь она действительно понимала, что значит «золото ослепительно, а серебро по глупости бело». Если она будет продолжать смотреть, то ослепнет.

- Устала? - Янь Цзинь Цю увидел состояние Хуа Си Ван, посмотрел на слуг поблизости и сказал: - Если ты устала, мы пойдем в комнату, чтобы отдохнуть. Слуги здесь присмотрят за всем.

Хуа Си Ван кивнула и ослабевшей рукой коснулась тяжелой золотой короны на своей голове. Теперь она была человеком чистейшей души и с высокими помыслами, который думал о деньгах и золоте как о грязи.

Вернувшись в комнату, Хуа Си Ван сначала позволила служанкам помочь ей переодеться из мантии Цзюнь ванфэй и надеть красивое и свободное платье до пола. Только тогда она смогла спокойно вздохнуть. Она потерла шею и сказала: «Если воротник будет продолжать давить, его нужно будет укоротить на ширину ладони».

- Неужели он такой тяжелый? - Янь Цзинь Цю протянул руку, чтобы потереть ей затылок. - Ну что, теперь лучше?

- Твое мастерство уступает моим служанкам. - Хуа Си Ван взглянула на него с улыбкой. - И правда, я не смею позволить Ван Е заниматься подобным. Пусть они это сделают.

Янь Цзинь Цю улыбнулся и убрал руку. Затем он сказал: «Вероятно, скоро в наше поместье нагрянет множество доброжелателей. В ближайшие дни тебе придется нелегко».

Хун Ин, оценив ситуацию, подошла к Хуа Си Ван, чтобы сделать массаж.

- Есть управляющие, которые помогут, тогда это будет не так тяжело. - Хуа Си Ван села в кресло и лениво откинулась назад. - Добиться милости императора - это великая радость для каждого. Даже если я устала, внутри я счастлива.

- Это правда, - Янь Цзинь Цю посмотрел на слуг, которые стояли в комнате. - Как насчет того, чтобы немного вздремнуть? Сейчас ты обычно спишь в полдень.

- Хорошая мысль, - Хуа Си Ван махнула рукой слугам, чтобы они ушли.

После того, как они оба легли в постель, Янь Цзинь Цю, наконец, сказал: «Я слышал, что только вчера император рассердился на Шэн Цзюньвана и заставил его вернуться в свое поместье, чтобы поразмыслить в течение трех дней».

Хуа Си Ван чувствовала, что ее ума недостаточно для придворных дел, поэтому, услышав это, она долго думала, прежде чем сказать: «Император вчера отчитал Шэн Цзюньвана, а сегодня возвысил тебя до циньвана - что он намерен делать?» Было ли это похоже на то, что трудолюбивого ребенка отчитывал родитель после одной ошибки, а ленивого ребенка вознаграждали за то, что он ничего не делал?

- Все не так просто. - Янь Цзинь Цю протянул руку, чтобы обнять ее. - Теперь Шэн Цзюньван обладает огромной властью. Часть чиновников очень уважает его. При таких обстоятельствах император не может не пересмотреть свое мнение. Он целенаправленно бьет одного и тянет за собой другого. Он поступил так для того, чтобы Янь Бо И подумал, что я делаю что-то за его

спиной. Тогда мы, естественно, поссоримся. У Янь Бо И есть поддержка некоторых чиновников, а у меня есть титул циньвана, которого у Янь Бо И нет. Кто бы ни победил, для императора мы все - проигравшие.

Такое объяснение, похоже, вполне подходило. Хуа Си Ван зевнула и больше ничего не спрашивала. Есть вещи, о которых она понятия не имеет, будет лучше, если так все и останется.

В комнате постепенно воцарилась тишина. Спустя долгое время Янь Цзинь Цю встал с постели. Присев на край кровати, он смотрел на сладко спящую женщину, которая обнимала одеяло. Потом встал и подошел к медному зеркалу, которое Хуа Си Ван обычно использовала для нанесения макияжа, и случайно увидел улыбку в уголке своего рта, которая еще не исчезла.

Выражение его лица слегка изменилось. Он обернулся и посмотрел на человека, спящего на кровати. Мгновение спустя он вышел из комнаты.

Хун Ин и остальные, кто ждал снаружи, увидели, что Ван Е вышел, и все отступили на шаг, прежде чем молча присесть в поклоне.

- Служите ванфэй, как следует. Я пойду в кабинет. Когда ванфэй проснется, пусть кто-нибудь мне сообщит, - Янь Цзинь Цю знал, что все служанки Хуа Си Ван были преданы и больше не стал ничего говорить.

- Да, слуга запомнит.

Когда Хун Ин подняла голову, она увидела, что Ван Е уже ушел, и тихо вздохнула. Сейчас Ван Е все еще казался таким же благодушным, как обычно, но она все равно боялась его - как будто если она не будет осторожна, то потеряет свою жизнь.

- Сестрица Хун Ин, только что управляющий Му Тун приказал людям доставить сюда вещи. Нужно ли нам отчитаться перед ванфэй? - Чэн Цю вошла с несколькими служанками, которые держали сандаловые сундуки. По тому, как вспотели лица служанок, можно было догадаться, что сундуки не были легкими.

- Давайте сначала отнесем вещи в кладовую и доложим ванфэй, когда она проснется.

Хун Ин открыла все сундуки и осмотрела их. Она отметила, что внутри были просто какие-то украшения и драгоценные камни, поэтому она сама отвела людей, чтобы устроить эти вещи на личный склад Хуа Си Ван. Во всяком случае, ванфэй не испытывала недостатка в таких вещах.

- Что ты сказала? Сянь Цзюньван стал циньваном? - Хуа И Лю посмотрела на свою личную

служанку. Она долго сидела в оцепенении, прежде чем сказала: - Вчера вечером господин снова ходил отдыхать в боковой двор?

Она увидела, что, хотя ее личная служанка ничего не сказала, выражение ее лица изменилось, поэтому она знала, что Чжоу Юнь Хэн ушел туда прошлой ночью. У нее не было времени сказать что-либо еще, прежде чем она увидела свою свекровь, вошедшую вместе с младшей невесткой. Она могла только встать и проводить их обоих внутрь.

- Невестка, через три дня ты отправишься со мной в поместье Сянь Циньвана, чтобы передать добрые пожелания. Сянь Ванфэй и ты - сестры, будет нехорошо, если ты, старшая сестра, не наведишь ее, когда произошло такое радостное событие. - Госпожа Чжоу приняла чай, который подала Хуа И Лю, и сделала глоток. После того, как она еще немного поболтала с Хуа И Лю, она слабо улыбнулась и сказала, меняя тему разговора: - Тех непокорных со двора Юнь Хэна я отослала прочь. Я все еще надеюсь, что смогу поддержать тебя и ребенка Юнь Хэна.

Хуа И Лю выдавила из себя улыбку.

- Все они - женщины, которые служат мужу. Совершенно безобидно, что господин жалеет их.

Те маленькие надежды, которые она питала, когда выходила замуж, были уничтожены за эти дни. У нее больше не было ложных иллюзий насчет Чжоу Юнь Хэна. Прямо сейчас причина, по которой ее свекровь пришла сказать так много, была очевидна, потому что Хуа Си Ван, Сянь ванфэй, была ее двоюродной сестрой. В противном случае она бы так не поступила.

Первоначально, сразу после траура по старой госпоже Чжоу, от Чжоу Юнь Хэна забеременела какая-то наложница, и эта новость распространилась. Когда она вышла замуж, в его гареме по-прежнему были женщины. Прямо сейчас эти люди были отосланы прочь, потому что Хуа Си Ван стала Цинь ванфэй. Тогда кто такая она сама?

- И все же, если человек очарован красотой, как он может чего-то добиться? - сказала с улыбкой госпожа Чжоу. - Ты добродетельный человек - с тобой мне нечего бояться.

Хуа И Лю обменялась с нею еще несколькими любезностями, прежде чем госпожа Чжоу попрощалась, но в ее глазах не было радости.

После того как ее свекровь и невестка ушли, Хуа И Лю подумала о Хуа Си Ван, которая была окружена служанками, и о красивом Сянь Ване, затем о Чжоу Юнь Хэне, который каждый день проводил в окружении женщин. Она закрыла лицо платком и беззвучно заплакала от обиды.

На второй день после того, как Янь Цзинь Цю стал циньваном, добрые пожелания хлынули потоком. Из посещавших ее женщин Хуа Си Ван встречала только тех, кто обладал высоким статусом в императорской семье или принадлежал знатным семьям. Другие люди знали это и ожидали этого. Они присылали свои карточки только из вежливости. Если Сянь ванфэй встретит их, то им очень повезет. Было нормально, если она даже не взглянет на них.

Она определенно должна была увидеть людей из поместья хоу И'Ань. На второй день после выхода императорского указа Хуа Си Ван встречала людей из своей отцовской семьи. Она произнесла несколько лишних слов, но так как вокруг было слишком много людей, с которыми ей нужно было увидеться, у нее не было возможности поговорить наедине.

За день до фестиваля середины осени, количество людей, которые приходили с поздравлениями, наконец, уменьшилось. Хуа Си Ван вздохнула с облегчением. Но после того, как она закончила завтракать, она услышала, как слуга доложил, что люди из поместья помощника министра Чжоу пришли поздравить ее.

Хуа Си Ван вздохнула. Поначалу она не хотела видеть семью Чжоу, но, зная, что Хуа И Лю вышла замуж в эту семью, она могла только попросить слуг для начала проводить их, сказав, что сама придет позже.

Когда госпожа Чжоу увидела, что слуга приглашает их войти, она вздохнула с облегчением. Она посмотрела на свою дочь и Хуа И Лю позади нее и привела в порядок свою одежду.

- Когда вы окажетесь перед ванфэй, не теряйте самообладания.

- Хорошо, - тихо сказала Чжоу Цзинь Си. Она знала, что мать пытается установить контакт с поместьем Сяньвана. Ведь, если Сянь ванфэй составит о ней хорошее мнение, она сможет появляться на более важных собраниях.

- Госпожа Чжоу и барышни Чжоу, пожалуйста, присядьте и подождите минутку. Ванфэй скоро прибудет.

Человеком, которым встречал их, была Чэн Цю. После того как она попросила служанку налить всем троим чаю, она встала в сторонке.

Госпожа Чжоу посмотрела на украшения в зале и затем заметила, что девушка, которая приветствовала их, была одета лучше, чем обычные служанки. Ее невестка не узнала эту служанку, поэтому она догадалась, что это была служанка из поместья, а не та, что прибыла сюда вместе с Хуа Си Ван.

Ей посчастливилось как-то посещать поместье Нин Вана. Хотя оно выглядело величественно и благородно, слуги казались не такими воспитанными, как здешние.

Было видно, что Сянь ванфэй - женщина со способностями. Ей нужно быть более осторожной.